

Геннадий Прашкевич

Мироздание по Петрову

Частное сыскное агентство Роальда Салинкаса

Геннадий Прашкевич

Мироздание по Петрову

«Автор»

Прашкевич Г. М.

Мироздание по Петрову / Г. М. Прашкевич — «Автор»,
— (Частное сыскное агентство Роальда Салинкаса)

Издан в литературном журнале «Реальность фантастики» № 5 Май 2005

© Прашкевич Г. М.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
Глава третья	12
Глава четвертая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

МИРОЗДАНИЕ ПО ПЕТРОВУ

Глава первая

ПРИ ВСЕХ РЕЖИМАХ, НО ДЛЯ НАРОДА

Что значит имя?

*Роза пахнет розой, хоть розой
назови ее, хоть нет...*

Вильям Шекспир

За пару дней до моего дня рождения зашла в гости Архиповна.

Мы как раз обсуждали вопрос происхождения жизни. Филолог Рябов жаловался, что ему вернули статью из академического журнала. Он подходил к происхождению жизни философски, но статью ему вернули. «Будто я писал про вечный двигатель». – «А так оно и есть, – сказала умная Архиповна. – наука имеет дело с повторяющимися явлениями. А одиночный факт всегда чудо. Факт однократного появления жизни в какой-то одной точке никогда не будет обсуждаться учеными всерьез. Поэтому академические журналы ничего такого не печатают».

Говоря это, она сварила чашку кофе. Чашка из любящих рук упала мне на колени. Даже чуть выше, чем на колени. Архиповна испугалась моего крика и взяла несколько ночных дежурств в своем закрытом институте. Программа *CETI (Communication extra-terrestrial Intelligence)* для нее – обыкновенный эксперимент, поэтому она имеет право вступать в любые споры, касающиеся жизни и внеземных цивилизаций. Ожог, к счастью, оказался не страшным, но у меня Архиповна все эти дни не появлялась, искала свои внеземные цивилизации, и во вторник, злой на все, я решил заглянуть к Алисе Мерцановой. Она вернулась из Польши, куда возила свой Салон красоты на конкурс. Я не собирался изменять Архиповне. Так... Пара прикосновений, может, поцелуй... Актрисы (даже бывшие) это любят... «Котик, – скажет нежно Алиса. – Ты еще любишь меня?» А я промолчу в ответ. Это уравновесит события.

Но Алиса ничего не спросила. В короткой юбке, злее, чем я, собирала с пола вещи.

В квартире был жуткий разгром. На обои, похоже, плеснули кислотой – тисненная бумага обуглилась. Что-то такое я видел в своих надоедливых повторяющихся снах. Некий кабинет с кожаным диваном, сумеречной тишиной, с дежурным за столом. На стене решетка... Да, прямо на голой стене... А тут следы кислоты... Круче решетки... Поблескивающие панели, отблеск стекла, дисплеи, множество сигнальных ламп... Это во сне... А здесь чудовищный разгром... Журнальный столик раздвинул ножки, будто его только что изнасиловали... Битое стекло пластинами – темное, рыхлое, как подтаявший сугроб... На подоконниках, на полках, даже на люстре разбросанное беспорядочно белье. С детства обожаю здоровый фетишизм. Но Алиса всхлипнула:

– Ты спальню загляни, в спальню!

Я заглянул. Ничего такого особенного.

Простыни сдернуты, ортопедический матрац взрезан ножом, из него, как белая кость, вылез кусок поролона. Вещи убиты или попрятались. За исключением портрета на стене, только на левый глаз Режиссера нашлепнули зеленую двадцатку. Хорошо, что не презерватив, в спальне они водились в изобилии. Я был здорово поражен их неуместным количеством. Оттолкнув мятый пакетик, машинально подобрал тяжелую темную пластинку на цепочке, вроде брелока. Там еще болтался почтовый ключик. Понятно, спросил:

– Зачем тебе столько презервативов?

– Кручинин! Это не мои.

– Все так говорят.

Алиса возмущенно выпрямилась, но затренькал на тумбочке телефон.

«Вот и шантажисты», понял я. Вообще-то Салон Красоты, которым ведала бывшая актриса, не должен был подвергаться такому мощному давлению, но в наше время...

– Слушаю

– Ой, а чем раки питаются?

– Падалью, наверное, – ответил я ошибшемся номером ребенку.

– О чем это ты, Кручинин? Кто звонил?

Я не успел ответить. Телефон снова затренькал:

– А где в доме хранится падаль?

– Не знаю. Может, в холодильнике.

На самом деле меня интересовали презервативы.

– С чего ты взял, что они мои? Зачем мне столько? – заплакала Алиса. Ее бездонным, асфальтово-черным глазам шло отчаяние. – Ты хам! И таксист – хам. Он внес чемоданы только на лестничную площадку.

– А ты хотела, чтобы он это видел?

Опять завелся телефон. Ребенок не отставал:

– Мы холодильник осмотрели. Нет в нем падали.

– А рак у вас большой? Где вы его держите?

– Большой. В ванне.

– Ну покрошите ему хлебных крошек.

– А он не шевелится, – детский голосок так и звенел. – Может, дать горячую воду?

Я повесил трубку. Алиса смотрела на меня со страхом. Отчаявшийся ребенок, впрочем, не хотел от нас отставать.

– А где раков хоронят? – видимо, неотвратимое случилось.

– Да нигде. Бросают под ноги.

Гудки отбоя. Обычный шум, не являющийся передаваемым полезным сигналом.

– Это *они*?

Я обалдел.

Бывшие актрисы часто произносят фразы, не имеющие смысла.

Не гангстеры это и не бандиты, попытался объяснить я, какой-то ребенок ошибся.

Но Алиса не верила. «Падаль», «раки». Зачем такое ребенку? Это ее хотят запугать. Ее и Алину. Она на глазах впадала в панику, но при этом выталкивала меня из квартиры. «Ты ведь по вторникам ходишь в сауну? Вот и иди!» Я ее поцеловать не успел, а она уже меня вытолкала. Дескать, сейчас приедут друзья. Сейчас Алиночка придет – любимая ученица. Нужные люди придут. Перехватила мой взгляд, устремленный на портрет Режиссера.

– Сдери это!

Я послушно сдернул зеленую двадцатку.

По вторникам мы ходим в сауну.

Банкир Кузин обожает оранжевые простыни. Два покушения в год – дело явно шло на убыль (по сравнению с предыдущим годом), но в сауну его сопровождал Роальд Салинкас – владелец частного Сыскного Бюро. Из тех оптимистов, что сами прыгают на ринг, надеясь первым вмазать Тайсону. Полковник Якимов с военной кафедры университета – бесхитростный человек с мясистым лицом спивающегося бритого мопса. Филолог Рябов, обожающий все, что трудно понять. Академик Петров-Беккер, по имени Иван Ильич – смуглая кожа в пятнах, вечно что-то взрывается в его лаборатории. Кстати, Архиповна работала у него. Программу *CETI* поддерживают многие научные институты, но у Петрова самый сильный отдел. И были

гости: корейский сценарист Ким, ученик Режиссера, и узбекский композитор Сухроба – очень человекообразный, тучный, везде поросший веселым волосом.

Говорили о снах.

Рябову опять снились милиционеры.

«А зачем приходят, спросить не успеваю. Так сильно грохочут сапогами, что я просыпаюсь...»

Увидев меня, обрадовался:

– Знаешь, что Режиссер заговорил?

Все дружно закивали. Хорошая новость. Петров-Беккер тоже кивнул. Это его специалисты обслуживали аппаратуру, поддерживавшую жизнь Режиссера. И сам он часто ночевал в его квартире. «Ну что значит заговорил, – не очень охотно пояснил он. – Всего одно слово».

– Зато какое! – значительно подчеркнул полковник.

– И какое же?

– *Молчание...*

Все замолчали.

Одно время мы ждали, что Режиссер вот-вот умрет. Он давно не приходил в сознание. Все его жалели: тридцать семь лет не время для ухода. Три года назад он насмерть разбился в машине. Если бы не лаборатория академика Петрова-Беккера, то вряд ли дышал. Искусственные легкие, искусственные почки. В сумеречной спальне что-то влажно двигалось, вздыхало. Но сам Режиссер молчал. Уже три года. Ася, жена, безропотно несла свое несчастье, Алиса (любовница) демонстративно страдала. Но все хотели, чтобы Режиссер встал.

– В подъезде Режиссера живет собачка...

– Еще живет? – удивился грубый полковник. – Ты вегетарианец?

– Собачка совсем маленькая, – покачал кореец Ким черной головой. – Наверное, ей рассказывают неправильные вещи про корейцев. Когда я прохожу мимо дверей, она сходит с ума. Но вчера она молчала...

Наверное, от радости, подумал я.

Ким улыбнулся и налил мне чашку красного корейского чая.

Такой, по его словам, пил Ким Ир Сен. Пользуясь моментом, я наклонился к банкиру: «Обменяете двадцатку, Иннокентий Павлович?» – «Зеленую?» – «Разве другие бывают?» – Розовый Кузин задумчиво посмотрел на меня: «Обменяю. Но по официальному курсу». Ему хотелось дослушать историю академика о поездке в Северную Корею. Оказывается, академик летал туда вместе с Режиссером. Давно. Еще при Советской власти. Некая культурная миссия. Прямо в аэропорту у гостей, как полагалось тогда в Северной Корее, отобрали водку и фотоаппараты и увезли в хорошо изолированный отель. «Вы устали, – вежливо объяснил гостям чиновник, принимавший делегацию. – А завтра вас ждет насыщенная программа». – «Хотя бы водку верните!» – потребовал Режиссер, но ему отказали.

Утром в машине с тонированными стеклами гостей отвезли на старую мясохладобойню. За цинковой стойкой при всех режимах (но для народа) стоял, закатав рукава, веселый старичок Ким с широким топором в руках. Режиссер и академик решили, что он рассказывает о правильном питании, о том, как правильно расчленить свиную тушу, но переводчик внес ясность. Речь шла о волшебной силе идей чучхе. Они заливают мир солнечным светом. Они пронизывают немислимые пространства. Жизнь, освященная идеями чучхе, возвышает.

– Зато смерть все уравнивает, – хмуро заметил Режиссер.

– Уравнивает не смерть.

– Тогда хоть водку верните.

На другой день гостей повезли на ткацкую фабрику. Маленькая старушка Ким, просто-душно, как паучок, ткала здесь бесконечные полотна – при всех режимах (но для народа). – «Матерь Божья! – озлобился Режиссер. – А где корейская молодежь? Где призывный изгиб

бедр, сладкие азиатские речи?» Прозвучало капризно, наверное поэтому Мать Божья даже пальцем не пошевелила. Или ее влияние в Стране Утренней свежести было ограничено, не знаю. А старушку причитания Режиссера нисколько не смутили. Она всякое слыхала. Полет бомб, криканье американских мин, стоны умирающих. Все ее близкие убиты и закопаны в землю. – «Видите, – указал Режиссер, – смерть всех уравнивает». – Но старушка только покачала головой. Идеи чучхе, вот что уравнивает.

– Тогда хоть водку верните.

Призыв не нашел никакого отклика.

Утром советских гостей повезли в школу. Народный учитель веселый старичок Ким при всех режимах (но для народа) трудился здесь много лет. «Волшебные идеи чучхе чудесно преобразуют жизнь», – с порога заявил он – «А если человек умирает?» – «Принявший идеи чучхе бессмертен». – «А если бессмертие это что-то вроде бессонницы?» – Режиссер злился. – «Корейский народ гордится тем, что великий вождь Ким Ир Сен радуется всем таким большим чудесным долголетием, – убежденно и весело заявил народный учитель. – Никому в мире не дано жить дольше великого вождя. Учение чучхе, оно как Солнце». – «А если все-таки наступит вечер и Солнце скроется за горизонтом?» – упорствовал Режиссер. – «Скроется, но не исчезнет. Мы не видим Солнца за облаками, но оно никуда не исчезает», – старичок оказался не так-то прост. – «А ваши умершие предки? А убитые друзья» – «Мы просто не видим их. Но они с нами», – уверенно повел рукой народный учитель. – «Мать Божья! Неужели идеи чучхе помогают все побороть, даже смертельные недуги?» – «Обязательно», ответил старичок Ким, весело и сильно кашляя. – «А почему в Северной Корее столько кладбищ?» – «Это не имеет значения. Главное, верить».

Глава вторая.

«ЭТО ПРОСТО ВОДА, А НЕ МОКРО ОТ СЛЕЗ»

У Алисы я появился уже после одиннадцати.

Подружка ей помогла. Наверное, не одна являлась. Искалеченная мебель исчезла, по пустой квартире бродило глухое эхо. Но Алиса теперь походила на прежнюю Алису. Мы возлегли на новом роскошном матрасе в мелкую полоску. Пахло коньяком, чужими духами. Сложно пахло от моей подружки. Я боялся, что она накинется на меня с самыми разными расспросами, но ее интересовал только Режиссер. «Он правда очнулся? Позвал меня? Назвал мое имя?» Не знаю, кто ей такого наговорил. Про Асю заметила мимоходом: «Сучка!». Считала, что имеет право так говорить. Режиссер учил ее только плохому, зато хорошо. Да и сама она вечно попадала не в те истории. Однажды после премьеры я наткнулся на нее за кулисами театра. Я был от нее в восторге, в двадцати метрах от нас за кирпичной стеной шел фуршет, а Алиса сладкая, потная, так ко мне и прилипла. Сбитая на бок юбочка, голое бедро. Прижав Алису к оштукатуренной стене, я стонал, как металлоискатель, а она отвечала чудесным порочным шепотом: «Свет... Выруби свет... Кручинин...» Я вслепую шарил по щитку, висящему надо мной, и попал прямо на оголенный провод. Влажный эпителий, кто спорит. Я еще орал, а Алисы не было. Чуть отойдя, увидел ее уже на фуршете. «На тебе лица нет! – обнял меня Режиссер. – Тебе так понравилось?» – Он имел в виду премьеру. А любимая ученица с диким видом посверкивала на меня асфальтово-черными глазами.

После несчастья с Режиссером Алиса ушла со сцены.

Основала Салон Красоты. Выиграла конкурс в Варшаве.

«На дискотеке в Лазенках Алиночку пригласил мускулистый мужчина, – шептала она мне, выключив свет. – Он, дескать, с зоны, но пани не должна падать в обморок. Он только

убил жену, падла была. Зато отсидел, вышел честный. Я бы точно хлопнулась в обморок, а Алинка – чудо. „Алиска! – закричала она. – Пан, оказывается, холост!“

Мы плохо спали.

Алиса то обнимала меня, то отталкивала.

Все нам мешало, особенно эхо в пустой квартире.

Но и еще что-то. Что-то еще, чему я тогда не нашел слов. Алиса, например, даже не спросила, над чем я сейчас работаю. А мне очень нужно было, чтобы спросила. Архиповна бы обязательно спросила меня об этом. Короче, Алиса уснула. И я, наконец, уснул. И увидел во сне все ту же надоевшую мне казенную приемную, кожаный диван, стену в металлической решетке.

Ужас какой-то!

Босиком пошлепал на кухню и услышал стук.

Совсем слабый. Но в нашу дверь. Это Архиповна пришла, решил я. С ружьем пришла. Охотиться будет, однако. Но сквозь дверной глазок увидел не Архиповну, а академика Петрова-Беккера. Длинный плащ, благородная седина. При свете синей лампочки смотрел под ноги, гад. Дались ему артистки в такое время!

Седьмой час, рань ужасная, на проспекте пусто.

Алиса выпроводила меня чуть свет. Про академика я ей не сказал.

Скошенная трава лежала на влажных газонах. *Молчание...* Какая работа шла в разрушающемся сознании Режиссера? Какие химические ураганы, поддержанные аппаратурой академика Петрова-Беккера, начисто продували умирающий мозг? Слова Архиповны о том, что жизнь возникает в первый момент творения вместе с материей и энергией не шли из головы. А потом? Почему мы разрушаемся? Почему не вечны? Почему так нежен и недолог запах дыма... Впрочем, в подъезде дымом попахивало вовсю...

Лифт не работал.

Я поднимался пешком.

Пятый этаж. Запах гари усилился.

Седьмой. Девятый. Я открыл дверь и меня обдало сухим жаром.

Заперхав, как овца, закрывая платком лицо, бросился на кухню. Одна конфорка электрической печи „Горение“ уже перегорела, чернела, вздутая, как труп, другая все еще сияла ровным белым светом, как Солнце. Я выдернул кабель и распахнул дверь на лоджию. В это же время грянул телефон. Наверное, пожарники, решил я обрадовано, но звонила Юля. „Это просто вода, а не мокро от слез“. Она обожала поэзию, а тут еще предки смотались на неделю в Хакассию. „Слышишь, Кручинин! Я продиктую тебе сцену из раннего Мопассана“. – „Я предпочел бы Тургенев“, – безрадостно намекнул я. Но Юля любому обороту событий радовалась: „Так сильно хочешь?“ – „Конечно, Солнышко. Но не сейчас. Сейчас у меня пожар!“ – „Архиповна подошла? – еще больше обрадовалась Юля и сладостно предложила: „Угадай, что на мне?“ – И не выдержала, зашептала подсказку страстно, зашипела, как змея: „Ночнушка! Только ночнушка! Бесстыдная, коротенькая. Я сейчас накину плащ и к тебе!“ – „Нет, Солнышко. – возразил я. – Сейчас не получится“.

И повесил трубку.

Алиса Мерцанова человек богатый, у нее все застраховано, у нее деньги есть, а у меня каждая вещь, даже украденная в ресторане пепельница, нажита непосильным трудом. Кто покусился на писательскую квартиру? Седьмой том Большой Советской Энциклопедии развалили на несколько сшивков. „Доисторическую Европу“ загнали под диван. Ящики письменного стола вырваны, содержимое вывалено на пол. В подозрительной луже (помочились?) плавала моя заначка на день рождения – пятнадцать сотенных купюр. Линялая меховая шапка валялась в углу, как задавленная собака. Уцелели только компьютер и телефон.

Телефон-то опять и грянул.

На этот раз звонила Света. „Я тебя совсем потеряла“.

Голос звучал уверенно. Наверное, допивала утренний кофе и мечтала о том, как жадно впустит хищные когти в мою голую, упругую, содрогающуюся от страсти писательскую задницу. – „Ты где шляешься?“ – „У меня пожар“. – „Ой, а ты не пробовал в противогазе?“ – возбудилась экстремалка. – „Не сходи с ума. Как целоваться-то? В противогазе-то?“. – „А! Ты, наверное, пьяный уснул. Тебя Архиповна напоила?“ – „Я не пью“, – зачем-то соврал я. – „Ладно, – решила экстремалка. – Можно и без противогазов, просто в дыму“. – „Но не сейчас. Потом, – пообещал я, – при костерчике на полянке“. – „А как там мой пирог?“ Света явно заглядывала ко мне вчера днем. Ее счастье, она не видела, как отнеслись неизвестные к пирогу. Поджаристую корку цинично задрали, как подол. Не представляю, что можно искать в пироге? Но искали, рылись вилкой и ножом. Я брезгливо спустил его в мусоропровод. Туда же полетели осколки битой посуды, драные тряпки, дохлая меховая шапка. Выглянувшей соседке я что-то соврал про упавшую на пол сигарету. – „Ты весь дом спалишь, Кручинин“, – недоброжелательно заявила она. А Юля по телефону снова завела мантру про внезапно уехавших предков, чудесную разостланную постель, правда, закончила неожиданно: „Кручинин, а у нас дети будут?“ – „А то! – уже не сопротивлялся я. – Сообразим“. – „Соображают бутылку, – наставительно заметила Юля. – А детей заводят“. – „Ну заведем. Десятка два сразу“. – „Так это будет уже не семья, а маленькая африканская деревня“, – обиделась Юля.

Я не успел взяться за веник, позвонил Рябов.

„Кручинин, почему мне снятся только милиционеры?“

Я этого, конечно, не знал. Тогда он процитировал кусок из своей работы „Поэтика автовариаций“. процитировал с придыханием: *„Будешь жить, не зная лиха, править и судить. Со своей подругой тихой сыновей растить. Много нас таких бездомных, сила наша в том, что для нас, слепых и темных, светел божий дом“*. С его слов получалось, что лирический герой указанного произведения, судя по указанным обязанностям, занимает довольно высокое социальное положение. Возможно, он царь, может, король. Лирическая героиня вполне могла занять не менее высокое социальное положение, если бы они поженились. Но героиню тянет в „светлый божий дом“, к горящему алтарю...

„Помереть собралась, что ли?“

„Ты же писатель!“ – обиделся Рябов.

„Сволочь ты! – сказал я Рябову, думая, что это опять он звонит. Но трубку подняла Юля. – Ох, прости, Солнышко“.

„Теперь никогда!“

Сгребая мусор в кучу, я все же никак не мог понять, кому понадобилось так решительно разгромить мою квартиру? У меня нет ни Салона, ни денег. С Алисой встречаюсь не каждый день. А в результате электроплита выведена из строя, диван перешиблен топором, не осталось ни одной тарелки. Да еще и Маринка позвонила.

„Кручинин, – спросила она. Похоже, настроение у нее было поганое. – Знаешь, что такое крыса?“

„Такой небольшой жадный грызун, да?“

„Вот-вот. Подойди к зеркалу. Присмотрись внимательнее“.

Оказывается, вчера мы условились с ней увидеться. Она минут сорок буксовала на проселке, выбираясь с дачи, а я в это время валялся на матрасе с Мерцановой. И проклятый академик зачем-то топтался на лестничной площадке. „Жирный жадный грызун! Ты, наверное, с Архиповной трахался?“

Далась им всем Архиповна!

Битая мебель, битые цветочные горшки.

В хлам превращены керамические фаллосы работы Корнея Славича.

Бесценные книги разбросаны по квартире, подоконник засыпала россыпь бумажных листков. Последняя работа Режиссера, ради которой он бегал к губернатору. „Матерь Божья, открой ему слепые глаза!“ Ради которой обнимался с пузатым Спонсором. „Матерь Божья, открой ему волосатые уши!“ Сделать фильм, перед которым дрогнет мир.

А что в результате?

Молчание...

„Это просто вода, а не мокро от слез?“ – догадался я, поднимая трубку.

„Простите?“

„Иван Ильич!“ – удивился я.

Академик не часто баловал меня вниманием. Книги мои читал – это точно знаю. А вот чтобы звонить... Я ревниво подумал: зачем это он приходил ночью к Мерцановой? Лично сказать о том, что ее бывший любовник начал говорить? Что он скоро встанет на ноги?

„Простите за такой ранний звонок“.

„Что-нибудь случилось?“

„Режиссер умер“.

Глава третья

999 980 ДОЛЛАРОВ

Вечером, рассказал академик, санитарка вошла в спальню.

Пахло озоном, лекарствами. Похмыкивала сложная аппаратура, подключенная к больному. „Лежишь, – упрекнула Аня, серенькая санитарка, украшенная от природы только небольшим горбом. – Лежишь, а бабы твои совсем разладились!“ Намекнула сразу и на Мерцанову, прилетевшую из Варшавы, и на Асю, уезжавшую перед этим в Томск. „Лежишь, только деньги портишь“. Понимала, что ей платят только пока Режиссер болен, но искренне желала выздоровления известному человеку. Петров-Беккер в это время занялся массажем рук Режиссера и они показались ему неестественно холодными.

„Ася!“ – закричал он.

„Ну да! Дозовешься“, – встряла санитарка.

Она терпеть не могла хозяйку, считала ее немкой, дурой, ругалась, когда та летала на праздники в Берлин. В девичестве Ася носила довольно распространенную фамилию Геринг. Санитарке этого было достаточно. Да еще слышала про то, как при жизни Режиссера жена закатывала ему скандалы. Отвратительно длинным (на взгляд санитарки) ногтем медленно вела по виску. „Ты меня прости, милый, я тогда не поняла тебя с этой барабанщицей...“ Режиссер злобно сжимал зубы. Гости изумленно переглядывались. „Ты меня прости, милый, я тогда не сразу поняла, что ты интересуешься барабанами...“ – „Ася!“ – „А то, что ты ей у себя постелил, так ведь мало ли что интересного можно от барабанщицы услышать...“

Однажды Свободный театр гастролировал в Томске.

Ведущий актер, человек капризный, вышел за коньяком и не вернулся.

На улицах мело, мороз стоял под тридцать. Администратор труппы мрачно обзванивал милицию, морги, больницы, а Режиссера и его актеров в это время принимал мэр. Спектакль был назначен на другой день, прогнать на сцене „Ромео и Джульетту“ без участия ведущего не представлялось возможным. Режиссер механически поднимал тосты, пугал мэра артистическими вольностями и эффектами, а сам время от времени подходил к огромному старинному окну. Делал глоток из фужера, всматривался в мутную метель. На другой стороне проспекта едва просвечивал колпак милицейской будки. *Мело, мело по всей земле.* Мэр говорил глупости, целовал ручки актрисам, чиновники аплодировали. *Во все пределы.* Мерцанова блистала – асфальтово-черные глаза, мелированные волосы. Снег за окном постепенно редел, скисал, вдруг высветилась милицейская будка. Звездное небо, как чудесная огромная полусфера, а под ним – зачарованные менты. Жизнь, возникшая когда-то вместе с материей и энергией, привела к такому чудесному феномену. В своей стеклянной будке менты держались за животы от хохота. Медведем ходил перед ними прикованный к кольцу потерявший разум актер.

Выгоню, решил Режиссер.

Звездное небо настроило его на определенный толк.

Нет сил возиться с дураком. Он позвонил администратору: „Возьми бутылку и выкупи его у милиционеров“.

Режиссер профессионально читал по губам. Он *слышал*, над чем там издеваются милиционеры. „*Ее сиянье факелы затмило, она, подобно яркому бериллу в ушах аранки, чересчур светла для мира безобразия и зла...*“ Менты хохотали. Они не верили, что тип на цепи – актер. „*Как голубя среди вороньей стаи, ее в толпе я сразу отличаю. Я к ней пробьюсь и посмотрю в упор, любил ли я хоть раз до этих пор?...*“

Все как в будущем фильме.

О фильме Режиссера заговорили лет пять назад.

Сто пятьдесят тысяч долларов выложил губернатор.

Красивый жест, правда, он не решал проблему. Но предполагалось, что последуют другие такие жесты. В те дни я с Режиссером почти не общался. Он с Алисой был неразлучен. Учитель и любимая ученица. В Пхеньяне заказывал для нее „Sambuka“. В Лондоне – ирландский „Cream“. В Лондоне, где-то в Сохо (Алиса сама рассказывала) в кабинке общественного туалета никак не закрывалась выгнутая хромированная дверца. Алиса причитала: „Ой, сейчас описаюсь!“ Заинтересовавшись возней, подошел полисмен в фуражке, украшенной шашечками. „Есть проблемы?“ В этот момент хромированная дверца взбунтовавшейся кабинки опять поехала в сторону и перед изумленным полисменом предстала чудесная молодая леди с асфальто-черными глазами – на стульчаке, с фляжечкой изысканного „Cream“ в руке. „Хороший вкус, мэм“.

В ночь катастрофы Режиссер, Алиса, человекообразный композитор Сухроб оттягивались в загородном коттедже Спонсора. Анфилада комнат, свечи, благовония, открытый бассейн, незаметные охранники. Пес на заднем дворе – не замученное службой животное, а вышколенный кавказец со взглядом налогового инспектора. Спонсор (так рассказывала Алиса) вызвал для равновесия девушку. Ее звали Васса. „*Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет*“. Композитор недавно вернулся из Штатов, ему залечили сломанную на горном курорте руку. Под утро, разойдясь, отправились в загородный закрытый клуб „Муму“. Там снова говорили о фильме. Спонсор чувствовал себя в центре значительных событий. Он знал, что большие люди, такие, например, как академик Петров-Беккер, считают Режиссера гением. Хотелось самому быть при гении, почему нет? Жаль, не ко времени подвалило некое раскрашенное помадой существо. „Потанцуем, Муму?“ Ничего особенного, но Спонсору не понравилось. Он сел за руль. Когда черный „мерс“ на полном ходу врезался в военный грузовик, Алису через люк выбросило из машины, а человекообразному композитору в трех местах сломало прекрасно залеченную в Штатах руку. Сам Спонсор отделался ушибами, а Режиссера из горящей машины вроде бы выволок Сухроб. Только на девушку Вассу сил ни у кого не хватило.

Ладно, надо было что-то делать.

По лестнице (лифт задымлен) я спустился в подъезд.

На улице ко мне бесшумно подкатила черная „Волга“. Я хотел сойти на обочину, но дверца открылась, меня рывком втащили в салон. Отберут кошелек, мелькнуло в голове. Но „Волга“ пересекла проспект, углубилась в какой-то проселок, никто ничего не требовал, только ветки шумно хлестали по лобовому стеклу. Я не мог шевельнуться, прижатый к коленям каких-то мрачных людей.

Потом машина остановилась.

Меня выпихнули задом на мокрую траву.

Тогда я впервые увидел перед собой Тараканьча.

Невзрачный мужик с узкими длинными усиками. Он грозно ими подергал и оперся о влажный капот.

– Слышал про лягушку?

– Про которую? – не сразу сообразил я.

– Ну, сынишка зовет: „Мамка, иди сюда, здесь лягушка!“ – „Ой, не хочу, они зеленые и прыгают“. – „Иди скорее, моя не прыгает“. – „Нет, не хочу, она укусит“. – „Да, мамка, иди! Как она дохлая тебя укусит?“

Меня морозом пробрало от такого анекдота.

Лет пятнадцать назад после какой-то ужасной пьяни ползал я по полу, разыскивая в бутылках каплю алкоголя. Я тогда увлекался Бодлером, грязь меня не пугала. И оптимизма было по уши. Ты проснулся, бессмысленно бормотал я себе. Ты проснулся, считай, это удача. Вон даже телефон трещит.

„Я слушаю, слушаю...“

И ровный голос: „В понедельник с утра... Третий этаж... кабинет такой-то...“

Ужасно прозвучало. Конечно, людей уже не расстреливают на заднем дворике Обкома партии, да и что я мог совершить такого? Ну, брал у Рябова фотокопию книги „Архипелаг ГУЛАГ“. В советские времена это тянуло лет на семь, не больше. Ну, Ася давала мне известный труд Доры Штурман. Он мне даже не понравился, но это тоже семь лет. „Почитай духов и держись от них подальше“.

Разыскивая сигареты, наткнулся в кармане на массивные золотые часы.

Никогда не было у меня таких часов. У меня даже знакомых с такими часами никогда не было. Поздно вечером, вспомнил я, мы заказали со Славкой и Корнеем котлету „Спутник“ в кафе того же названия. Золотых часов ни у кого не было. Из кафе мы перешли в гостиничный ресторан, там Корней отпал, но золотых часов все равно ни у кого не было. Зато подсели к столику какие-то злые русские тетки. Пришлось перебраться к скромному одинокому иностранцу. „Уи! Уи!“ Галстук с него я не срывал. Вспомнив это, сразу позвонил Славке: „У тебя есть золотые часы?“ – Славка ответил злобно. В том смысле, чтобы я отпал. – „Ладно. День какой сегодня?“ – „Может, суббота“. – „А я вчера брал у тебя массивные золотые часы?“ – „Нет у меня таких“. – „А Корней где?“ – „Да вон валяется на полу“. – „При нем были массивные золотые часы?“ – „Не знаю. Но при нем даже жены когда-то были“.

В субботу я еще пил, но в воскресенье вышел из штопора.

Славка всяко меня ободрял, даже учил известным тюремным песням.

„А я тебе веселую картинку нарисую для надзирателя“, – с фальшивой бодростью предложил Корней. Свои работы он никому не дарит, а тут такой щедрый жест: за пять минут изобразил трогательный летающий фаллос с крылышками.

„Что же это подумает старший надзиратель, когда Кручинин покажет ему твою картинку?“ – удивился Славка.

„А что подумает следователь, когда Кручинин выложит перед ним такие массивные золотые часы?“

Короче, в понедельник я оказался по адресу.

Деревянные скамьи. Ленин в кресле (картина). Обычные глупости.

Ничего интересного. До сих пор злось.

Рассказав анекдот, Тараканыч посмотрел на меня с сомнением:

– Какой коньяк предпочитаешь?

– Дагестанский.

– Почему?

– Он не паленый.

Тараканыч удивился. Наверное, он к коньякам подходил как-то не так. Невзрачный, но себе на уме. Корешей держал за тонированными стеклами, а сам старался.

– На какие средства баб содержишь?

– На подручные.

– Это как?

– Романы пишу.

– Ну это всякий может, – охотно поверил Тараканыч, отгоняя надоедливого комара.

Наверное, боялся, что буду врать. И снял последние сомнения: – Это ведь я только вид делаю, что хочу тебе добра. Догоняешь?

Я кивнул.

– Долги есть?

– Конечно.

– У Аси брал?

– И у нее.

– Сколько?

– Сто.

Тараканыч закурил. Сказанное, несомненно пришлось ему по душе. Выпустил одобрительно дым из пасти:

– Зачем тебе сто штук? Говори одну правду.

– Одну я уже сказал.

– Гони вторую.

– Так не штук, а рублей.

– И двадцатку присчитал к долгу? – хитро подмигнул Тараканыч, отчего меня опять пробрало морозом. Откуда он мог знать про зеленую двадцатку, приклепнутую к портрету Режиссера?

– Сделаем так, – предложил Тараканыч, каблуком вминая в землю недокуренную сигарету. – Добра я тебе не желаю, но на плохое тоже времени нет. Три дня. Не больше. Всего три дня. В субботу деньги не принесешь, оторвем тебе фаберже. И сумму не перепутай. – Он прищурился: – Девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот восемьдесят долларов.

Видимо, скостил двадцатку.

Глава четвертая

ХЛОПЧАТНИК ДЛЯ МАРСА

Меньше всего меня интересует жизнь в Космосе.

Мне все равно, Опарин был прав, приписывая ее к Земле, или Аррениус, распространяя по всей Вселенной, или даже Вернадский, утверждавший, что жизнь возникает в самый первый момент творения вместе с материей и энергией. Я предпочел бы, чтобы некоторые формы жизни не возникали вообще (как Тараканыч) или не сбегали бы трусливо в неизвестность (как Архиповна). Мобильник Архиповны был заблокирован, посоветоваться не с кем. Позвонить Мерцановой? Она скажет: „Миллион баксов? Ты, Кручинин, явно не по средствам живешь!“

А главное, я ничего не понимал.

Дома поставил кофейник на единственную уцелевшую конфорку.

„Это просто вода, а не мокро от слез“. Асин телефон не отвечал. Я набирал ее номер раз десять. Долгие печальные гудки. Квартира Режиссера набита сочувствующим народом, а трубку там никто не брал. Правда, несколько раз звонила Юля. – „Я надену серенький сарафанчик, – скорбно щебетала она, имея в виду близкие похороны. И не выдерживала: – Ты меня хочешь?“ – Я молчал, тогда она снова говорила про сарафанчик: „Это скромно?“ – „Сойдет“. – „А тебя тут спрашивали, Кручинин“, – вдруг вспомнила она. – „Кто это еще?“ – перепугался я. – „Да какие-то адвокаты“. – „Зачем я им?“ – „Просили передать, чтобы работал тщательнее“.

Мне опять стало не по себе.

А квартира Режиссера не отвечала.

Но прорезалась экстремалка. „Хочешь, приду, что-нибудь сделаю?“

И хитро затаила голос.

„Что, например?“

„Слышал про французские поцелуи?“

„Ты обалдела? В такой день!“

„Ах да, – неохотно спохватилась Света. – Только что в том такого? Мы же соперничаем. – И вспомнила мстительно: – Тобой тут интересовались“

„Где это тут?“

„На рынке“.

„Рубщик мяса?“ – неудачно пошутил я.

„Да нет. Вполне интеллигентный человек в рубашке от Версачи. – Она выдержала эффектную паузу. – Но лучше бы он принял душ. От него так несло, так несло“.

„Чего он хотел?“

„Да я что-то не догнала. Вроде советовал тебе впредь вдумчивее работать“.

Короче, все хотели, чтобы я работал тщательнее и вдумчивее. Плюнув, набрал рабочий номер Мерцановой. Бывшей актрисы на месте не оказалось, трубку подняла ее любимица Алина.

„Ой, Алисы Тихоновны сейчас нет!“

Где-то в Салоне зудело противное электрическое сверло.

„Вы что там? Слушаете Шнитке?“

„Мой любимый композитор“, – голос у Алины был такой нежный, что я не выдержал:

„Выходите за меня замуж?“

„Вечно вы так, Кручинин, – расстроилась Алина. – Как я за вас пойду, если вас с фоткой разыскивают“.

„Милиция?“

„Больше на бандитов похожи“.

В дверь постучали.

Я открыл и увидел академика Петрова-Беккера.

– Переезжаете?

Я обалдел. Да, конечно. Вот уже порубил мебель, разбил зеркала.

Академик Петров-Беккер долго приглядывался, куда сесть. Потом выбрал подоконник, рядом с листками сценария. Любовно собрал их в стопку.

– Следователь считает, что Режиссеру дали слишком сильное лекарство.

– Следователь? Когда он успел? Почему следователь? У них на экспертизу всегда очереди.

– Есть специальные лаборатории. – Петров-Беккер сумрачно улыбнулся. – Смерть Режиссера – это событие. – Он уставился на меня выпуклыми белесыми глазами. В них было много усталости, но и внимание тоже: – Скажите, Кручинин, вам снятся сны?

– Конечно.

– И что же вам снится?

– Не знаю. Чепуха всякая.

– Вы что, не помните своих снов?

Я не успел удивиться вопросам. Академик заговорил сам.

Конечно, о Режиссере. Этим гением он был занят всегда. Но какая-то странная нота звучала за его словами. Режиссер привык считать мир своим. Петров-Беккер этого не осуждал, просто приводил факты. *Моя жена. Моя работа. Мой театр. Мой город. Мой губернатор.* Все у Режиссера было *моим*. Однажды они вместе летели из Дели в Куала-Лумпур. Режиссер отравился индийским пивом, его крутило. „Проклятые вегетарианцы! – орал он. – Подают к пиву соленую лебеду!“ – В туалете Куала-Лумпура за ним следили сразу два пограничника с автоматами. – „Что за крылышки мне дают? – возмущался Режиссер уже в аптеке. – Это святой жук? От такого лекарства я смогу парить над унитазом? А если я пукну громче, чем принято в Малайзии, меня пристрелят?“

На разгромленную квартиру академик не обращал никакого внимания.

Энергия в Режиссере всегда бурлила. Это восхищало академика. В Малайзии Режиссер заказал русскоязычного гида. Но все ему в тот день не нравилось. „Как такая узкобедрая будет рожать?“ – орал он в такси, указывая академику на тоненькую девушку-гида. Кстати, русский язык у нее оказался бедней, чем у деревенского дурачка. „Такая маленькая, а жует, как корова, – потрясенно кричал он академику, узнав, что девушка-гид тоже вегетарианка. – Такая вот крошечная девушка съедает в день по три сочных вязанки сена. Должна съесть. Видите, какие у нее резцы?“ Только когда машина въехала в душную свайную деревеньку и одуряющая малайская жара горячим компрессом облепила путешественников, глаза Режиссера изменили выражение. В них появилось некое беспокойство, сменившееся явственной тревогой. Догадавшись, какие мысли подтачивают сознание его друга, академик указал пальцем на юг. Там за бурным каналом, кисельные берега которого даже на вид казались топкими, торчала белая будка, сулившая утешение. Но на выходе Режиссер угодил в перепончатые лапки другой раскозой девчонки, тоже вегетарианки. Послушно вынув купюру в десять баксов, Режиссер поднял ее над головой. „Мани-мани!“ Режиссер не сразу понял, что девушка просто плохо выговаривает слово „манки“. Здоровенный пыльный самец, скаля клыки, вырвал из рук Режиссера зеленый червонец и чрезвычайно довольный уселся на высоком бетонном зубце. „Он тоже вегетарианец?“ Помахивая купюрой, обезьяний хулиган вызывающе трогал свои мощные гениталии. „О, мой монах,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.